

ЛИЛИ РОКС

18+

ПОСЛЕДНЯЯ
ПАНДЕМИЯ

#выживание #насилие #пытки

Лили Рокс
Последняя пандемия
Серия «Жестокость и
выживание», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51650748

SelfPub; 2022

Аннотация

Вирус создал новую расу людей. Они сильнее и умнее нас. Они такие же люди, но мы для них – пища. Природа пыталась уничтожить ошибку эволюции и сделала их женщин бесплодными, но они используют нас как инкубаторы. Мы для них – всего лишь куски мяса! Нас насилуют, истязают, истребляют. Это уже не война, а бойня. Нас становится все меньше и меньше, а их племя растет. Кажется, что у нас больше нет шанса на спасение, их сложно убить, их не берет зараза, они устойчивы ко всему! Осторожно, книга содержит эротические сцены, а также жестокие сцены насилия.

Содержание

Жизнь после ада	4
Любовь на костях	11
Лагерь распределения	17
Племена выживших	23
Это уже не люди	29
Нелегкая доля пионера	35
Были и военные	40
Защитный рефлекс	46
Мародеры	53
На растерзание ублюдкам	59
Ниже падать некуда	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лили Рокс

Последняя пандемия

Жизнь после ада

Июль выдался на удивление холодным. О последствиях страшной войны между выжившими после эпидемии напоминал время от времени застилавший небосвод коричневато-фиолетовый смог, играющий разнообразием красок в тот редкий момент, когда солнцу удавалось отвоевать хотя бы мизерный клочок неба. Впрочем, этот эффект должен был в скором времени исчезнуть.

Наш родной город Москва, напоминает древние руины с краплениями инфраструктуры:

- Искореженные, но моргающие стойки светофоров;
- В клочья разорванные рекламные баннеры;
- Стойки ресторанов быстрого питания, покрытые слоем

грязи и пыли.

Впрочем, по сравнению с другими городами, Москва не особо пострадала, военные вовремя отреагировали, отведя удар. Но противников оказалось гораздо больше и нам в итоге все-равно пришлось покинуть опасную зону на долгое время.

Сейчас все так не стабильно... Мы оказались словно меж-

ду двух миров! Мы с сестрой пережили эпидемию, у нас есть иммунитет, но мы сохранили в себе человечность, в отличие от тех выживших, которых болезнь преобразила.

Мы вернулись в Москву вместе с военными, которые взяли власть в свои руки и более или менее установили мир. На время воцарилась идиллия. Мы все вздохнули полной грудью и расслабились. Прекратились убийства, грабежи, жизнь снова начинала приходить в привычное русло.

С горем пополам восстанавливали то, что было уничтожено мародерами. В город привозили все новых и новых выживших. Эти люди пережили эпидемию благодаря своевременным мерам предосторожности. Все это время они прятались, но теперь, когда в столице вновь стало безопасно, люди стали приходить, чтобы возродить былое наследие великого города.

Но радость была не долгой, военные отвоевали наш новый мир, откинув противника далеко за пределы границ Московской области. Но мутировавшие ублюдки не собирались так просто сдаваться. Все это время они собирали силы и разрабатывали стратегию. Им нужна была Москва, как центр управления страной. Им нужны были мы, как пища и как инкубаторы для вынашивания их потомства.

Судьба распорядилась так, что среди них выжило очень мало женщин и все они были бесплодны. Эта ошибка эволюции просто обязана была вымереть, как побочный продукт вируса, но эти люди не желали “вымирать”, мы слышали, что

у них в плену находится огромное количество пойманных пленниц, которых они использовали для оплодотворения.

Не способных к зачатию просто съедали, но перед этим они их насиловали и пытали до последнего, пока жертва не умоляла их убить ее.

Я ненавижу этих мразей! Ненавижу этот вирус, который создал их! Хотя, многие утверждают, что никакой новой расы не существует, это просто кучка выживших идиотов, у которых был просто хороший иммунитет, возомнили из себя непобедимых и всемогущих. Их слепая вера и сделала из них монстров.

Мы с сестренкой жили на военной базе в изоляции. Меня постоянно изучали и проводили различные опыты. Выкачали наверное, море крови. Но благодаря этому создали вакцину, которая теперь защищает людей от заражения этой дрянью.

Сестренке повезло меньше. Еще до заражения, над нами обеими ставили опыты. Я выжила и приобрела иммунитет. Пришка теперь носитель чистого смертельного вируса. Как только ей перестанут колоть блокирующие лекарства, она станет ходячей чумой.

Я не сразу узнала про угрозу, исходящую от нее. Когда мы добирались до военной базы, мы встретили группу выживших, которые нас приютили. Все они заразились из-за нас. Этот груз я до сих пор ношу в сердце. После этого я старалась держать сестру подальше от здоровых людей и застав-

ляла ее носить маску.

В ее крови военные ученые нашли еще много интересно-го, но нам об этом не говорят. Да я и не пойму. Мне сложно даются все эти медицинские термины.

Знаю только, что этот вирус в сочетании с антивирусом и еще с какой-то дрянью, способен замедлять до невероятности процесс старения. По сути, Иришка и я – носители эликсира бессмертия. Может быть именно поэтому нас так берегут и “сторожат”.

Мутировавшие ублюдки напали на город поздно ночью, когда мы крепко спали. Взрывы на военной базе и сирена тревоги до сих пор стоят у меня в ушах!

Первая реакция: это сон, вторая – не верю в то, что происходит! Война закончилась, с чего бы снова трубить тревогу?

Я разбудила Иришку, и мы выбежали на улицу. В потемках не было видно ничего, но яркие вспышки света озаряли время от времени все вокруг. Было жутко!

Внезапно я услышала сигнал авто и через миг перед нами материализовался военный броневик.

– Бегом-бегом! Запрыгивайте, поехали! – глаза Алексея горели огнем.

Он приехал за нами! Боже, он снова нас спасает! Мы залезли в автомобиль, Алексей понесся, сбивая все на своем пути.

– Что происходит?! – с ужасом прокричала я.

– На нас напали!

Да уж... Можно было и не спрашивать. Это уже было понятно.

– Куда мы едем? – снова спросила я, чтобы хоть как-то успокоить дрожь.

– Кира, мы забыли Рыжика! – внезапно закричала Иришка.

– Какой нафиг Рыжик?! Ты не видела, что там происходит? – нервно прокричала я, но увидев плачущую сестру, смягчилась, – Милая, кошки чувят беду раньше людей. Он уже давно срулил из дома и прячется в лесу. Мы обязательно за ним вернемся, когда все успокоится.

– Обещаешь? – наивно спросила она.

– Обещаю! – с уверенностью ответила я, но уже заранее знала, что мы не вернемся обратно. Это место потеряно и находится в нем опасно.

Пока Алексей рулил, пытаюсь вывести нас как можно дальше, я с ужасом представляла, что теперь будет!

– Где мой дядя? – спохватилась я за своего родственника, работающего в военной лаборатории.

– Он в безопасности. Он еще вечером улетел на вертолете на остров. А оттуда – сразу на корабль. Мне велено вас доставить в секретную лабораторию, вы очень важны для исследований.

Его слова немного расстроили меня. Получается, он приехал не потому что хотел спасти нас, а потому что получил приказ. Хотя, я понимала, что придираюсь. Мы с Алексеем

тайно встречались почти два года. Он приходил ко мне, уходя в самоволку, и мы предавались страстной любви.

С самого первого дня, как только я увидела его, сразу влюбилась. Он спас меня от смерти и иногда я в шутку называла его спасителем.

После Иришки и дяди, он был самый близкий мой человек, и иногда меня напрягало, что мы встречаемся урывками и исключительно ради секса. Мне хотелось большего! Я хотела засыпаться с ним в одной постели и вместе встречать рассвет. Готовить ему завтрак и провожать на его опасную работу. А потом ждать вечером, чтобы встретиться поцелуем и наслаждаться его ласками, никуда не торопясь и не переживая, что кто-то узнает о нашей связи.

Куда мы едем? Что с нами будет? Сможем ли мы быть с ним вместе? Скорее всего, судьба нас разлучит. Напрасно я думала, что жизнь наладилась... Я слишком невезучая, чтобы поверить в эту чушь!

Обнимаю его тело, прижимаясь к нему, но Алексей меня отталкивает. Я мешаю ему вести машину. Черт, как же так получилось, что нам теперь приходится менять место локаций? Мне так нравился наш домик, который нам выделили с сестрой! Я ощущала себя в нем, словно царская особа!

А теперь... Снова жить в палатках и молиться, чтобы бог послал еды и защитил от мутантов?

Будущее меня пугает. Если бы не Иришка, то я бы давно наложила в штаны от страха. Она мой очаг спокойствия.

Ради нее я пойду на все! Она уже достаточно взрослая, чтобы понимать многие вещи, но все же еще такая маленькая! Иногда даже бесит этим!

Как и в случае с Рыжиком. Я стараюсь не думать о том, что мы бросили его. Он у нас уже два года и он стал нашим полноценным членом семьи.

Любовь на костях

Никуда он не ушел, когда на нас напали. Он мирно спал, как мерин и видел сны. Скорее всего, если наш домик не разнесли в клочья, то он выживет какое-то время, пока его не поймают собаки.

От одной этой мысли слезы наворачиваются на глазах. Помню, как я нашла его совсем маленького. Как он спасал нас, согревая своим теплом, когда мы зимой пробирались сквозь ад.

– О, черт! Лекарства Иришки! – внезапно меня подбрасывает на месте.

– Что за лекарства? – спрашивает Леша, который уже сбросил скорость и едет по проселочной дороге, пытаюсь разглядеть путь.

– Ей надо колоть блокаторы, иначе она уже через неделю опять станет ходячей чудом!

– На базу прибудем, там все будет! – заверяет меня любимый и я успокаиваюсь.

Только бы добраться! Отдаленно слышу какие-то выстрелы. Это где-то очень далеко, но все-таки внушает дикий страх!

– Все, приехали! – выключая двигатель, говорит Леша.

– Как приехали? Но тут же ничего нет!

– Дальше ехать сейчас опасно, надо переждать до утра, –

он выходит на улицу и смотрит вдаль.

Сейчас из-за постоянного смога почти не видно неба. Температура непроглядная. В свете фар я еще могу различать его силуэт.

Подхожу к нему и обнимаю. Чувствую, как бьется его сердце. Он напуган! В этот момент страх передается, словно по воздуху. Человек, которого я считала всегда бесстрашным, является для меня символом спокойствия и уверенности. Но когда мой спаситель сам напуган, то здесь уже я ощущаю, словно из-под меня выбили почву.

– Скажи мне, что будет все хорошо! Мне сейчас это нужно! – умоляюще шепчу я ему на ухо.

– Я не знаю... Нам нужно проехать через одну зону, и возможно, она захвачена мутантами. Может быть, нам придется бросить машину и пробираться пешком.

Он поворачивается ко мне и начинает жадно целовать. Его нервная дрожь передается мне, мешая насладиться интимной близостью.

– Подожди, Иришка может увидеть! – отталкиваю я его.

– Что она тут увидит? Даже я с трудом вижу! – шепчет он и снова пристраивается ко мне.

– Но в любом случае, она может услышать! – не унимаюсь я.

– Давай отойдем подальше, – предлагает Леша. Узнаю своего любимого, он как всегда авантюрист! Под землей будет гореть земля, а он будет думать о сексе!

Осторожно подхожу к машине и беру фонарик. Присматриваюсь к Иришке. Она крепко спит, расположившись на заднем сидении.

Хватаю какое-то старое одеяло или покрывало, уже сложно определить, что это, тем более в темноте, и мы с Алексеем удаляемся для снятия стресса на безопасное расстояние от машины. Иришка не должна пока знать ничего о сексе, ей еще рано.

– Как я скучаю по тебе, каждый день, каждую минуту! – тихо шепчу я ему, а у самой голос готов сорваться на плач. Отчего-то у меня такое ощущение, что это наш последний секс. Не хочу себя накручивать, но предчувствие меня еще никогда не подводило.

Он расстилает одеяло, и мы ложимся на прохладную землю. Леша раздевает меня, и я остаюсь полностью обнаженной. Меня охватывает мелкая дрожь, так как холод начинает пробираться, лето как назло выдалось суровое.

Мой герой ощупывает мое тело и прижимает его все ближе. Я чувствую, как его член напрягается, сильно возбуждаясь. Меня это сильно заводит, поэтому поддаюсь нежным ласкам любимого и отвечаю ему поцелуем.

Оказавшись сверху, он нежно раздвигает мои ноги и располагается между ними, прижимая свой член к моему лону. Двигая своими ягодицами, мой любимый трется своим мужским достоинством о мой клитор, и это еще больше возбуждает нас обоих!

Его рука ласкает мою грудь, а затем опускается к моей норке. Леша запускает в нее свой пальчик, сливаясь со мной в едином поцелуе.

Изнемогая от удовольствия, я истекаю собственными соками и возбуждаюсь все сильнее и сильнее. Меня лихорадит от его ласк, а он продолжает «гулять» своими руками по моему телу, доставляя необычайное наслаждение.

Мои соски сильно набухли и слегка увеличились, а друг продолжает меня изводить, не спеша осуществлять то, ради чего мы уединились. Медленно целует мою грудь, перемещается к соскам, а потом переходит на животик, который содрогается от каждого прикосновения его жарких губ.

Ему требуется совсем немного времени, чтобы перейти к самому интимному месту, вылизывая каждую клеточку моей промежности!

О-о-о-о! Какое это чудо, когда твой парень делает тебе прекрасный куни! Я бьюсь в конвульсиях и громко постанываю, а он продолжает теревить мой клитор своим языком, который с периодичностью приникает внутрь меня.

От такого напора я не в силах сдерживаться и меня настигает невероятный оргазм, и мне хочется кричать на всю вселенную! Но я сдерживаю крики, чтобы не разбудить сестренку и случайно не привлечь внимание охотников, если они поблизости. А эти твари часто оказываются где-то поблизости...

Придя в себя, я позволяю любимому лечь на спину, рас-

положившись на куртках, и принимаюсь страстно вылизывать его гениталии. Хватаю губами его член, впуская его в свой рот, я поглощаю весь ствол почти полностью.

Стараюсь вобрать его до упора, пока он не упирается где-то глубоко в горле. Его огромный член заполняет все пространство в моем ротике, и я ощущаю, как он постоянно пульсирует. Он словно дышит!

Я вытаскиваю это прекрасное создание и ласкаю его своей рукой, а потом нежно обхватываю губами и опять полностью погружаю в рот. Теперь уже мой дружок получает кайф и стонет от удовольствия.

Но кончать он не собирается, так как ждет продолжения. В эту ночь мы попробуем много разных поз, поэтому следующей станет поза наездницы, благодаря которой я уселась на своего скакуна и помчалась галопом по интимным полям. Все глубже член проникает в мое лоно, а я стараюсь позволить ему войти полностью, несмотря на его размеры.

Мой Леша держит меня за бедра и помогает двигаться, пытаясь совершать движения своими ягодицами мне в такт. Я еще больше бьюсь в конвульсиях, позволяя любовнику делать со мной все что угодно. Он быстро снимает меня с себя, ставит на колени и входит членом во влагалище, упираясь в самую дальнюю его стенку.

Блаженное состояние погружает меня в неистовое состояние. В этот момент мне совершенно наплевать на прошлое и на будущее. Есть только этот момент! Этот волшебный мо-

мент и медленные и очень точные движения моего партнера!

Его движения приводят меня в исступление, и я громко кричу от нахлынувшего удовольствия, при этом стоны моего друга звучат так же громко. Черт, нам бы не стоит так привлекать внимание, но я совершенно потеряла самоконтроль. Не знаю, что со мной делает секс... Он словно превращает меня в животное!

Я просовываю свою руку между ног и тереблю свой клитор, одновременно доставляя себе блаженство. В моей голове начинает темнеть и в глазах появились искры, и я понимаю, что получаю самое настоящее наслаждение, в виде бурного оргазма.

Такое удовольствие ни с чем несравнимо, поэтому мой возлюбленный очень быстро меня начинает догонять. Его ноги подкашиваются, и он не может стоять полноценно, падая на меня. Его член по-прежнему находится в возбужденном состоянии и прочно “сидит” внутри меня.

Когда он кончает в меня, я ощущаю настоящее блаженство! Я улетаю в nirvanу без шанса быстро вернуться обратно.

Немного погодя, я поворачиваюсь к стволу своего героя и наслаждаюсь остатками спермы, слизывая ее с члена и глотая. После этого следует страстный поцелуй. А впереди у нас еще целая ночь, которую хорошо бы использовать для сна... Но как можно спать, когда наши тела никак не могут наслаждаться друг другом?

Лагерь распределения

Мы добрались до одного из лагерей военных только к вечеру. Это был сложный путь, нам пришлось бросить машину и добираться пешком. Мы с Иришкой стоптали себе ноги.

Хотелось пить и есть. Но мы из последних сил шагали, ожидая долгожданного пристанища.

также нам нужны были лекарства, которые были только у наших военных врачей. Не знаю, через какое время Иришка снова начнет “фонить”, но с учетом того, что с нами Леша, мне бы меньше всего хотелось рисковать.

Если в ближайшее время мы не найдем лекарство, то надо доставать респиратор и снова вынуждать ее ходить в этой мерзкой маске. В лагере военных нас знают и проблем не будет.

Нас с сестрой определили в отдельную палатку, а Леша сразу же ушел по своим служебным делам. Бедолага... Столько не спал и сейчас его снова запрягут какими-нибудь делами.

А мы, как только голова падает на подушку, сразу же засыпаем безмятежным сном. Мы дошли! Теперь остается дело за малым, ждать, когда дядя пришлет за нами вертолет и нас заберут отсюда.

Утро встречает нас своей прохладой. Не припомню, чтобы летом было так холодно! Даже природа враждебна к нам!

Это плата за то, что своей войной за землю, заволокли небо тьмой...

Жду Лешу. Надеюсь, как у него появится минутка, он зайдет и прояснит ситуацию, когда нас заберут отсюда.

Но он не приходит...

– Милая, сиди тут! Я на разведку! – бросаю Иришке и выползаю из палатки. Сразу же понимаю, что на улице любой дубак! Наверное, теперь так будет всегда...

Несмотря на морозящий дождь, все суетятся, жизнь в поселке кипит. Так непривычно видеть столько женщин! В наше время принадлежать к представительницам прекрасного пола – опасно для жизни!

Осматриваю лагерь, и у меня перехватывает дыхание. Ничего себе поселение!!!

Сколько же тут людей? Как им удалось выжить и сплотиться? Почему на них до сих пор не напали? Я не заметила, что тут слишком много военных. Это вообще не похоже на военный лагерь...

– Проснулись уже? Сидите в палатке, я вам завтрак принесу, – говорит с улыбкой женщина, не дав мне толком ничего спросить.

Возвращаюсь в палатку и жду. Иришку заставила надеть респиратор. По идее, блокираторы еще должны действовать, но мало ли... Нельзя допустить угрозу заражения.

Женщина ставит поднос прямо перед палаткой и зовет меня. Я выползаю и забираю еду. Передаю Иришке и сразу же

выбираюсь снова на улицу. Мне необходимо поговорить хоть с кем-то!

Что это за поселение? Здесь нет ни одного человека, которого я знаю из нашего городка! Куда делись все мои знакомые и кто все эти люди? Как долго они тут находятся? И самое главное, где я могу найти Алексея?

– Пожалуйста, поговорите со мной! Мне нужно знать, что происходит! – умоляюще смотрю на нее.

– Хорошо, посуду мыть умеешь? – спрашивает она.

– Конечно!

– Поможешь мне, и заодно поговорим.

Мыть посуду оказалось не так легко, как я думала. Из-за нехватки воды, здесь организована целая посудомоечная система! Несколько тазиков, наполненных разным уровнем загрязнения воды. В первую надо было окунать тарелку или кастрюлю и если честно, меня сразу же тошнило от одного только вида! В общей жиже плавали остатки еды и если честно, я бы на их месте вообще лучше не мыла посуду!

Этот бульон уже давно надо было менять! Отмечаю про себя, что больше никогда не соглашусь на эту гнусную работу! Дождь все также моросит и заставляет время от времени ежиться. Но дождь – это хорошо. Жителям меньше работы! Не приходится таскать воду из ручья.

Рядом с каждой палаткой выставлены всевозможные тазики, ведра и все, что способно собирать воду.

Продолжаю мыть и думать, как же эпидемия отбросила

нас назад в развитии! Вместо посудомоечной машины, я вынуждена сидеть и опускать свои руки в эту мерзкую жижу! В эти же тазики одновременно набирается дождевая вода, хоть как-то обновляя застоявшуюся жидкость. Мелочь, а приятно...

– Сколько вы уже тут живете? – начинаю допрос. У меня столько вопросов, что я даже не знаю, с чего начать!

– Я тут почти полгода. Поселение насколько я знаю, организовано с самого начала. – улыбнувшись, начинает рассказывать женщина. – Меня кстати Тамарой зовут, а тебя как?

– Кира... А сестру Ирина. – улыбаюсь я в ответ и смотрю, как ловко она справляется с посудой.

Пока я мою одну тарелку, через ее умелые руки проходит уже десять.

– Тамара, а как вы тут оказались? Как пережили эпидемию? – наверное это сейчас самый популярный вопрос среди выживших, но я не могу не задать его. Почему-то мне сейчас очень интересно, кто и как выживал. Тем более, что любая полезная информация может пригодиться для выживания.

Собеседница не сразу отвечает, а продолжает работать руками, словно я ничего и не спросила.

– Наш мир изменился, это факт. Мы тут ничего не можем уже сделать, – начинает она говорить, остановившись и смотря в сторону поля, вытирая с лица капли дождя, которые словно капельки пота стекают с ее головы.

– Теперь все, что нам остается делать – это доживать от-

меренные нам богом крохи.

Она права, вздыхаю полной грудью воздух и задумываюсь. Реально, последние остатки человечества собрались сейчас в один сплоченный кулак, и как крысы боятся показываться на просторах родной Москвы.

Сильные убивают слабого, этот закон никогда не был столь ясен, как сейчас. Я помню свою прошлую жизнь, но она словно никогда не существовала! Сложно объяснить эту странную раздвоенность в моем сознании.

Племена выживших

Иногда мне кажется, что это вообще не мои воспоминания, а какие-то фантазии или сны. Словно мы всю жизнь вот так скитались в поисках убежища...

– Я потеряла всех родных и друзей, – продолжает Тамара мрачным голосом, – Они, как и все, сгнули в адском пламени сегодняшнего бытия.

От ее слов сжимается сердце и хочется плакать. Наверное даже не из-за ее слов, а от жалости к себе и к своей судьбе.

Простой вирус, известный миру с давних времен, оказался обманчивым. Он искусство замаскировался под существующий вирус и пока люди пробовали и тестировали вакцины, он унес жизни многих. А потом ушел сам собой, испарившись, но оставив за собой глубокий след и изменив всю историю человечества.

Этот вирус погубивший все надежды и мечты, полностью перестроил наш мир, а оставшиеся люди теперь только и могут, что выживать, но не жить.

Умерла не только Москва, но и многие города. Об этом ярко свидетельствуют покинутые улицы, брошенные машины. Все начинает зарастать зеленью без присутствия человека. Странно, как ведет себя природа в отсутствии главного оккупанта площади, человека.

Рассматриваю собеседницу, на вид лет 40, темно русые

волосы, карие глаза, рост примерно 160-165. Не красавица, но довольно приятной наружности. Располагает к себе почти сразу же.

– Ничего о себе хорошего сказать не могу, жизнь не располагает. Я была диггером, добывала полезные вещи для общины. Москва большая, места всем хватает, но бывали и проблемы, вот с ними я и должна была справляться.

– То есть, вы вместе со всеми мародерили? – настороженно спрашиваю я.

– Я бы не называла это так, – она улыбается, скривив лицо. – Мы все выживаем, как можем.

Ощущаю, как в горле застрял ком. Вспоминаю Москву и хочется выть от безысходности. Москва будто убитый медведь, в жилах которого застыли тысячи автомобилей, покинутых своими хозяевами, давно сгнившие и от того еще более мрачные.

– Я жила обычной жизнью диггера, если так можно выразиться, но все изменилось... Пришли эти чертовы “Новые либералы”, а потом “Избранные люди” и стали нас убивать одного за другим.

– Не понимаю, о ком вы...

– Это племена выживших, которые перенесли заразу. Они сперва воевали друг с другом, но затем объединились и тогда начался холокост. Себя они провозгласили избранными богом, а всех остальных они объявили негодными и стали истреблять как скот.

У меня были дети... Сын и дочь. Эти звери пытали и насиловали их на моих глазах! Меня они хотели съесть, обьявив бесполезной для их целей, но военные их вспугнули и заставили отступить. Меня освободили, но моих детей они увели с собой и я до сих пор не знаю, живы ли они?

От ее слов мои руки начинают дрожать. Я видела, что они делают с людьми. Это просто не укладывается в голове! Их жестокость не знает границ, они не люди, а настоящие монстры!

– Теперь я не живу, а существую, – мрачно добавляет Тамара, – Уже столько времени мое сердце жаждет возмездия, за такой срок оно стало холоднее каменного пола в детдоме!

– Вы были в детдоме? – спрашиваю я, чтобы немного сменить тему. Чувствую, что обстановка накалилась. Тамара уже сидит чернее тучи.

– Какое-то время, – уже не особо с интересом рассказывает собеседница, – Ты закончила? Давай поменяемся местами, у меня тут меньше кучек посуды.

Встаю на ноги и чувствую, как все затекло. Тамара быстро моет посуду, а у меня с этим явные проблемы. Кажется, эта гора грязной посуды никогда не кончится!

– Я думаю, они еще живы... Чувствую, что живы, но их держат в плену. Я бы хотела их спасти, но не знаю, что делать! – ее глаза наполняются слезами и отчаянием.

Я посмотрела на женщину, сидящую рядом со мной и упорно моющую эту гору посуды. По ее щекам стекают сле-

зы, перемешиваясь с каплями дождя. Я поражаюсь ее силе. Если бы моих детей или не дай бог Иришку забрали эти монстры, я бы сошла с ума, наверное! Я не знаю, что ей ответить, как поддержать. Слова будто застряли в моем горле.

– Тамара. – Собрав весь позитив, что был во мне, я смотрю в ее глаза. – Они живы. Я тоже уверена в этом. Даст бог, и вы встретитесь!

Я пытаюсь улыбнуться, как можно более подбадривающе, но улыбка выходит кривоватая. Я сама это ощущаю. Тамара лишь нервно усмехается моим словам, и вытерев рукой капли дождя с лица, снова возвращается к мытью посуды.

Несколько минут мы работаем молча. И вдруг я вижу боковым зрением, как Тамара с глубоким вздохом опускает тарелку в тазик с жижой и поворачивается ко мне. Я тоже спешно откладываю тарелки и разворачиваюсь к ней.

– Знаешь. – начинает Тамара. – Я думаю, что в живых осталась только моя дочь. Насчет сына – я не уверена.

– Почему? – с удивлением спрашиваю я.

– Да потому, что этим животным не нужны мужчины, как таковые! Может если только в качестве еды. А вот женщинами они действительно дорожат и ценят их. Хоть и обращаются как со скотом. – Тамара замолкает, опустив взгляд на землю, где-то около моих ног.

– Тамара? – зову я женщину. – Нужно верить в лучшее. Я думаю, что ваш сын все-таки жив.

– Нет, девочка. – Горько усмехается она. – Ты даже не

представляешь, что они делали! Когда нас схватили, мы толком ничего не поняли, что происходит. Все как-то случилось очень быстро. Нас притащили в огромную комнату, где было куча народа. Всех нас бросили в центр и окружили плотным кольцом. Я не смогла бы сосчитать, сколько было людей, но думаю, что более двух сотен. Меня связали и поставили на колени. Четверо здоровых мужиков вышли из толпы и оттащили сына с дочкой от меня. Я кричала, вырывалась, молила о пощаде, но бестолку. – Тамара замолкает задумавшись. Между ее бровей образуется глубокая морщина. Видно, что ей тяжело вспоминать тот день.

– Эти твари беспощадны. Они заботятся лишь о себе. – Продолжает она после небольшой паузы. – На моих детях разорвали одежду голыми руками. Они конечно же сопротивлялись, сын пытался отбиваться, даже укусил кого-то. Но его одним ударом отправили в нокаут. В ушах до сих пор стоит крик и мольба моей дочери. Двое амбалов начали с нее. Сначала по одному они насиловали ее, словно резиновую куклу! Боже! Это невозможно! Словно это какой-то кошмар!

Тамара рыдает, а я не знаю, что сказать, чтобы хоть как-то утешить ее, да и можно ли найти слова, чтобы утешить мать, у которой на глазах насиловали родную дочь?

– Они совали по очереди свои поганые члены в ее рот, насиловали ее даже в задницу, твари! – Тамара снова начинает рассказывать и вновь не удерживается и заливается слезами. – Поначалу дочь отбивалась, брыкалась. Но они быстро

успокаивают. Несколько ударов и угроз, что не просто убьют, а отдадут на растерзание псам, которые тоже сперва трахают, а потом съедают. После такого дочь и успокоилась. И как только она перестала брыкаться, эти двое трахали ее уже одновременно. А толпа смотрела.

Это уже не люди

С каждым словом Тамары, мои глаза становятся все больше. Я сама была свидетелем всевозможных зверств и более того, сама жила в поселке, где меня насильовали... Но каждый раз, когда я слышу что-то подобное, то не верю своим ушам! Это ужасно. Я не представляю себе, как эта женщина смогла пережить этот кошмар. Мое сердце сжимается от боли. Я будто бы переживаю весь тот ужас вместе с ней. Перед глазами четко вырисовывается картинка того дня.

– А сын? – спрашиваю я сдавленным голосом.

Тамара поднимает на меня отсутствующий взгляд и снова опускает его.

– А сыну повезло меньше. – С грустью говорит она. – Пока эти два ублюдка насильовали дочь, сын был без сознания. И двое других решили тоже развлечься, но уже с ним. Они перевернули его на спину и по очереди изнасилвали его. Сын орал нечеловеческим голосом! А мое сердце рвалось внутри меня, глядя на его страдания. А после того, как эти мрази насладились, достали ножи и начали резать его.

– Резать? – у меня пробегает морозец по коже, – В смысле зарезали его?

– Нет, милая. – мотает головой Тамара. Ее руки начинают сильно дрожать, и тарелка выскальзывает из ее рук, – Они отрезали от его тела небольшие кусочки и сразу же ели

под довольный визг зрителей. Он потерял сознание, а у меня просто потемнело в глазах, и я плохо соображала, что происходит.

– Ужас, какой! – Выдыхаю я шепотом, прикрывая рот рукой.

Желудок скручивает от рассказа. Это не укладывается у меня в голове. Сколько уже слышу об их зверствах, но как вообще к этому можно нормально относиться? Как к этому привыкнуть?

– А вы? Почему вас не тронули?

– Они сочли меня невостребованной и решили поиздеваться, а затем пустить в расход. Это уже не люди! Это проклятые твари, лишённые всех человеческих качеств! Они хотели, чтобы я смотрела, как они издеваются над самым дорогим, что у меня есть. Один из толпы постоянно держал меня и мою голову, чтобы я смотрела.

Тамара замолкает. Я тоже молчу, не зная, что сказать. Нам с сестрой тоже пришлось пережить ужасные моменты. Но то, что выпало на долю Тамары, выдержать может не каждый.

– Тамара. – Осторожно зову я. – А как вам удалось не заразиться?

Тамара снова берется за работу. Но я замечаю, что руки ее все еще мелко дрожат. От воспоминаний женщина сильно переживает. Но она повернув голову в мою сторону, слегка улыбается уголками губ.

– А я не говорила, что не заразилась.

– Как такое возможно? Вы переболели и выздоровели? – у меня расширяются глаза. Если это так, то это полностью ломает мою теорию о мутантах и их сверхспособностях...

– Я подхватила этот долбаный вирус. Но перенесла его в какой-то легкой форме и вылечилась. Военные сказали, что у меня теперь иммунитет к этой болезни.

Ну ни чего себе! Я просто ошарашена этими словами! Я еще раз посмотрела на Тамару. Нет, никаких признаков бешенства или позывов поедать человеческую плоть, как у тех мародеров.

– Я не понимаю. – Удивленно бормочу себе под нос.

– Не понимаешь, почему я не такая, как те монстры? – внимательно смотрит на меня собеседница. – Я тебе объясню. Они перенесли болезнь в сильной форме, но смогли излечиться. Вирус дал осложнение на психику, и грубо говоря, те люди сошли с ума. Когда вирус попадает в организм человека с сильным иммунитетом, то умирает. Впрочем, это мое предположение, многие с ним не согласны.

– Все так просто?

– Нет. Там намного сложнее все устроено. Это так, простыми словами и в легкой форме.

– Военные тоже так считают?

– Не думаю, это чисто мое предположение, многие с ним не согласны.

На этом мы обе замолкаем. Я не перестаю думать об этой женщине. Сколько в ней сил? Она потеряла детей, видела,

как над ними издеваются, как насилуют ее дочь, а сына просто живьем едят! Я бы на ее месте просто сошла с ума!

Осторожно поглядываю на нее. Тамара сильнее обычного склоняется над тазиком. Ее плечи едва заметно подрагивают. Боже, она плачет! Какая я глупая! Сама вызвала ее на такой откровенный и болезненный разговор. Я тихонько встаю с табуретки и подхожу к ней, осторожно положив руки на ее плечи.

– Тамара. – шепчу я. – Простите меня, что вынудила вас рассказать это.

Женщина накрывает мою руку своей рукой и немного сжимает.

– Ничего девочка. Все мы кого-то потеряли в этом мире. Кому-то повезло меньше, чем мне и тебе. – Она на секунду замолкает. – Но я все-равно найду своих деток! Мое сердце чувствует, что все еще они живы! Хотя бы дочь спасти, а если сына убили, то хотя бы его останки похоронить с достоинством!

Я слышу, как Тамара говорит сквозь слезы, ее рука то сжимает, то разжимает мою ладонь, а сама она смотрит куда-то вперед и немного покачивается.

– Тамара. Я могу вам кое-что рассказать?

– Да, конечно. – говорит она и оборачивается. – Что такое?

– Понимаете. Моя сестра, Иришка. Она носитель.

От моих слов женщина подсакивает и едва не перевора-

чивает тазик с водой.

– Что? Почему она здесь? – шипит Тамара, судорожно оглядываясь по сторонам. – Здесь же столько людей! Как вы посмели прийти сюда?! Кто вас привел?! Вам на блокпосту не делали тест?!

Какой идиот меня вечно за язык дергает? Как бы не выселили нас из лагеря, народ такой мнительный и опасается новой вспышки уснувшей заразы.

– Прошу вас, тише! Тамара, не волнуйтесь! Она пока не заразна. Вирус блокируется лекарством и дальше ее тела не распространяется.

Услышав это, Тамара немного расслабляется и подходит ко мне. Берет за руки и серьезно смотрит прямо в глаза.

– Ты сильно рискуешь. Ты понимаешь это? Рискуешь всеми этими людьми и жизнью сестры. Ты даже не представляешь, что может быть, если кто-то узнает об этом! И не дай бог, инфекция распространится!

– Мы здесь всего на день или два, клянусь! Нас должны забрать на вертолете. Она не опасна пока!

– С огнем играешь девочка... Опасную игру затеяла...

– Да. Но я не могу позволить ей умереть. Она все, что осталось в моей жизни. – смотрю я на Тамару со слезами на глазах.

Она ничего не отвечает, но осуждающе мотает головой. Затем подходит ко мне и обнимает меня так крепко, что я на секунду даже представила, что это мама обнимает меня.

Столько тепла и заботы исходит от этой женщины! Теперь я уверена, что она не выдаст мою тайну и что мы теперь связаны с ней.

Нелегкая доля пионера

Наши объятия прерывают гулкие шаги. Я отстраняюсь от Тамары и смотрю в сторону приближающегося человека. Нам навстречу идет мой Леша! Ну, наконец-то! Я не бросаюсь ему на шею, особенно при Тамаре, но так хочется! Но ради своей новой подруги сдерживаю себя. Хватит бедной женщине на сегодня потрясений.

– Простите, что прерываю, Кира. – Кивает нам Алексей. – У нас тут небольшая проблемка. Можно тебя на минутку?

Предчувствуя что-то нехорошее, отхожу в сторону.

– Что случилось?

– Вертолета не будет.

– Что??? – у меня потеют ладони от услышанного.

– Связь с нашими полностью потеряна, они не долетели до острова, как мне сообщили... Мне жаль.

– А мой дядя?! – с ужасом спрашиваю я.

– Прости, пока ничего не слышно. И еще...

Он замолкает, а я уже кажется знаю, что он скажет!

– Тебе нужно уехать? – слезы моментально наворачиваются на мои глаза.

– Мне жаль, – снова повторяет он. – Я вернусь за вами как только будет возможность. Сейчас я нужен на работе.

– Возьми нас с собой! Пожалуйста! – смотрю на него во все глаза и испытываю нечеловеческий ужас! Неужели, мы

с ним вот так просто расстанемся сейчас? В нашем неустойчивом мире может произойти что угодно! Мы можем никогда больше не встретиться!

– Не могу... Прости, малыш, не я решаю... – он гладит меня дрожащей рукой и по его взгляду я понимаю, он тоже знает, что мы прощаемся навсегда.

Хочется выть, колотить его в грудь и кричать от отчаяния! Почему жизнь меня так наказывает? За что?! Только получила надежду на новую жизнь и это внезапное нападение!

Он уходит, оставив меня одну со своими страхами наедине. Что будет дальше? Кромешная тьма... Ничего хорошего я уже не жду! Лекарств нет, а Иришка через несколько дней станет снова ящиком Пандоры. Нам придется снова уйти и быть отшельниками! Как дядя мог без нас улететь? Почему ничего не сказал? Что с ним теперь? Где он?

Вопросов много, но ответов на них нет... Возвращаюсь в палатку к сестренке с плохими новостями. Мы здесь застряли! Нам придется жить в новой общине, знакомиться с местными порядками, выполнять обязанности, либо нас изгонят.

Если в течение недели дядя или Леша не появятся, нужно будет решать еще и проблему изоляции сестры.

Лагерь оказался населен довольно дружелюбными людьми. Есть даже целые семьи. Видела детишек. Настоящая идиллия, но я уже не доверяю. Слишком открытая местность, если на них до сих пор не напали, то это только вопрос времени. Они тут словно красная тряпка для быка! Все их

мужчины не защитят поселение, если придут мутанты.

Они гораздо умнее и сильнее. Они раздавят сопротивление в одно мгновение! Все живущие тут даже не представляют, в какой опасности они находятся! Нападение может произойти в любое мгновение. Военные, охраняющие порядок, всего лишь малая часть силы, способных отбить удар. Но если мутанты так легко разгромили военную часть, где мы жили, то этот “пионерский лагерь” будет для них что-то вроде закуски на обед.

Лагерь поделен на районы. У каждого района свой куратор, отвечающий за порядок и организацию работ.

После завтрака общий сбор всех работоспособных граждан и инструктаж. Прямо как в армии! Не знаю, почему пришла такая ассоциация...

Пока куратор вещает, я уже прекрасно понимаю сложившуюся ситуацию. Все это можно было сказать и за полминуты, а не распинаться полчаса и не тратить наше драгоценное время!

У нас заканчиваются припасы. Лагерь растет и нам не хватает продовольствия и медикаментов. Особенно последнего. Нужна вылазка в город, но военные заняты делами поважнее, а добровольцев нет. В поселке все мужчины распределены по периметру и защищают лагерь. Как говорит наш куратор, именно поэтому на них до сих пор не напали. Ох, наивные... Как они выжили?! И странно, что на них до сих пор не напали...

В разведку ходят женщины. По одной. Разведчица различивает ситуацию и ищет залежи припасов, которые еще время от времени можно отыскать, если хорошо постараться.

– Я могу пойти. Я знаю, как прятаться и как искать. – вызываюсь я и машинально делаю шаг вперед.

– А как же твоя сестра? – озадаченно спрашивает куратор. – Ты новенькая, можешь пока побыть в лагере, присмотреться, тебе найдется другая работа.

– Я могу за малышкой присмотреть. – внезапно говорит Тамара и подмигивает мне.

– Эм. – недоверчиво смотрит куратор. – Вы уверены?

– Да, у меня большой опыт. – выдыхаю. Еще мне не хватало сидеть и весь день мыть посуду за такой оравой людей! Что у них тут еще? Готовка из тех жалких остатков, что удастся нарыть? Нет уж, спасибо! Я даже знать не хочу, из чего они тут готовят! И без этого проблемы с желудком...

– Не переживай, я не позволю ей выходить из палатки, прослежу, – заверяет меня Тамара, когда мы идем в сторону моей палатки.

Боже, как же мне повезло с ней! Эта женщина единственная, кто как и я может не бояться болезнь Иришки!

– Ириша, познакомься, это тетя Тамара. Она знает. – вполголоса говорю я сестренке на ухо. – У нее иммунитет. Она с тобой побудет, пока я буду в городе.

– Хорошо. – кивает она. – Ты надолго уйдешь?

– Не знаю, возможно меня не будет день или два. Тамара

тебе будет носить еду и приходиться ночевать. Ничего не бойся и ни с кем больше не общайся!

– А дядя Леша придет? – вопрос ставит меня в тупик, но Тамара приходит на помощь.

– Дядя Леша поехал навестить родных, но обязательно приедет к нам. – улыбается она Иришке.

– Приготовься, тебе нужно будет выйти на закате.

Киваю, и начинаю собираться в дорогу. Сердце уходит в пятки от одной только мысли, что мне придется снова бегать и прятаться. Одновременно это дает и адреналин. Но я не боюсь за себя. Мне страшно оставлять Иришку. Если я не вернусь, она пропадет. Тамара позаботится о ней, но не сможет защитить от нападения. Именно поэтому я и выхожу сегодня поздно вечером в город. Мне нужно найти пути отступления. Нужно посмотреть, есть ли возможность уйти из лагеря и затаиться где-нибудь.

Переночую где-нибудь в городе, а как только станет чуть светлее, начну поиски.

Были и военные

Как только я открыла глаза, то сразу заметила, что на черной стене появились серые полосы. Это наступило раннее утро и редкие лучи солнца уже пробились через то, что осталось от ставней.

Неужели сегодня солнцу удалось пробиться через этот проклятый смог? Это хороший знак...

Утро нового дня в этом новом безумном мире. Я снова проспала. Хотела выйти еще до рассвета из этой полуразваленной квартиры, чтобы еще по темноте пройти через опасный район – там, где постоянно происходят стычки группировок или же нападки на таких одиночек, вроде меня.

Там, где у людей не осталось ничего, кроме животных инстинктов, где они готовы вгрызаться в глотки друг друга ради еды и лекарств. Хотя, такое давно уже происходит везде, просто в некоторых районах интенсивность нападений больше, так как люди сбившиеся в эти самые группировки, считают, что они этими самыми районами управляют.

Сегодня идти куда-то уже опасно, да и не так необходимо, ведь припасов до следующего дня у меня еще достаточно. Несложно проспать, когда привык просыпаться всю жизнь по будильнику. Сейчас ни будильников, ни средств связи, ни выхода в интернет нет, ничего нет.

А ведь раньше я и не могла подумать, что когда-нибудь

этого не будет. Ведь это было уже само собой разумеющееся – с утра взять телефон, проверить социальные сети, ответить на неппрочитанные сообщения, прочитать новости. Теперь новости можно узнать только от других людей. Если конечно встретишь человека, который захочет с тобой поговорить, а не стукнуть трубой по голове, что уже само собой разумеется, сейчас не является редкостью.

Раньше никто и не мог подумать, что придется шастать по опустелым квартирам в поисках еды. Куда, например, делся хозяин квартиры, в которой я сейчас нахожусь и чьими припасами я питаюсь? Умер от вируса? Или же он как-то неудачно сходил на улицу и встретил злых людей? Сейчас все люди злые. Их можно понять, они злы из-за неизвестности. Они не знают, как жить и что будет дальше, многие из них всего лишь стараются выжить любой ценой.

При начале эпидемии правительство еще как-то пыталось помочь народу: были и гуманитарные поставки, и заболевших хотя бы забирали в больницу. Пусть они там и умирали, но хотя бы инфекция разносилась по улицам не так быстро.

Был и ежедневный набор из лекарств, который необходимо было забирать в определенное время на главной площади, хотя, как мне кажется, именно в этот момент люди и заражали друг друга.

Были и военные, которые следили за порядком на улицах, отлавливали мародеров, патрулировали магазины и регулировали ситуацию в государстве в целом.

Однако, когда эта самая армия поняла, что им никто уже не заплатят и что правительство вот-вот падет, то они и стали самыми опасными мародерами.

Если в начале эпидемии мародеры были какие-то бывшие уголовники и шпана, которые ходили максимум небольшими группами и боялись порой даже обычных прохожих, то потом на их место пришли бывшие военные-дезертиры.

Отлично вооруженные и натренированные убивать бойцы в первые же дни после падения правительства заняли все точки, где было больше всего провианта и медикаментов.

Сейчас прийти на какой-нибудь склад или то, что раньше называлось супермаркетом – все-равно что самоубийство. Легче уж сразу спрыгнуть с высоты, хоть идти далеко не придется. Они ведь даже не говорят, сразу ведут огонь на поражения. Видимо рассчитывают прожить дольше остальных и готовы убить за каждую крупинку зерна.

Одиночкам вроде меня остается лишь искать заброшенные квартиры, вроде той, в которой я сейчас нахожусь, если хозяина в ней нет, то он вряд ли еще живой, скорее всего его постигла та же судьба, что и большинства – умер от инфекции или словил шальную пулю, выйдя на улицу, а поэтому и припасы ему уже не особенно понадобятся, живым нужнее.

День уже вошел полностью в свои права, небо на удивление светлое, местами пробивается солнце. Если посмотреть в окно, то на первый взгляд кажется, что на улице никого нет. И нет ничего полезного, кроме разбитых машин и кучи

мусора.

Но это не так, там есть люди, просто они ходят в тени, в переулках. Опасно просто так взять и выйти на просматриваемую дорогу, не пройдешь и пары минут – заметят. А дальше молись, чтобы заметили не дезертиры, потому что от других убежать еще возможно.

Из запасов я нашла немного макарон, вот это подарок свыше! Кто-то собирал еду в спешке и в ящике рассыпал почти половину упаковки! Видимо не стали собирать, а я не побрезгую. Все-равно в воде вся грязь сварится и нейтрализуется. Это Леша так часто шутил, когда я возмущалась, что мы порой едим не свежие или грязные продукты.

Вчера вечером выставила ведра на балкон. И на мое счастье, дождь моросил почти всю ночь!

Хоть холодно, но зато нет проблем в поиске воды. Набрала кастрюлю дождевой воды. В ванной я устроила импровизированный костер, над которым можно повесить кастрюлю. Конструкция ужасно ненадежная, но вроде пока не рухнула. Собрала остатки газет и документов, которые нашла в доме и разожгла их, сверху подкинула остатки шкафа. Завтра уже точно надо уходить из этого места, а поэтому можно тратить все без остатка, вряд ли я когда-нибудь сюда еще вернусь. В последнее время не думаешь даже о том, что будет через неделю, надеешься лишь дожить до завтрашнего дня и не более.

Вода закипела, закинула макароны. Соли нет, и это стран-

но, обычно в других домах всегда находилось что-то, хоть крупички... Хотя это не имеет значения, я уже не помню, когда последний раз ела что-нибудь вкусное.

Когда-то я была еще тем гурманом, могла есть что-то только потому, что мне нравится вкус еды. После начала эпидемии я ем только для того, чтобы утолить голод.

Раньше людям сложно было заставить себя есть одну гречку или другие крупы, всем нравился фастфуд, пицца и прочая современная еда. Сложно было представить, что кто-нибудь, кроме больных анорексией со своими безумными диетами и совсем бедных, будет питаться лишь гречкой и водой.

Нет, еще год назад люди питались только тем, что им нравилось, тем, что вкусно. Мясо, сыры, шоколад. Где все это теперь? Сейчас даже тот, кто раньше жил в достатке, голодными и полными радостями глазами смотрит на пакет крупы или булку черствого хлеба. На то, что раньше они с брезгливостью называли едой для собак, теперь от голода готовы сами набрасываться, как звери.

Эпидемия сравняла многих людей, в тот момент, когда деньги обесценились нищие и миллиардеры стали одинаковыми. И тут даже большее преимущество было на стороне простых людей, ведь они умели работать руками, жизнь многих из них заставила научиться этому с самого детства. Богатых же, кому удалось выжить, жизнь научила работать руками сейчас.

Макароны уже почти были готовы, я смотрела на то, как

они мирно плавали в кастрюле и напевала свою любимую песню. Много я бы сейчас отдала за возможность снова послушать музыку не у себя в голове, а в наушниках или из динамиков.

Музыка всегда спасала в те времена, когда было грустно или просто скучно, она наполняла жизнь. Жаль, что все что осталось теперь – это воспроизводить в своей голове мотивы любимых песен, которые въелись туда наизусть, но и этого порой хватает. Надеюсь у кого-нибудь еще остался работающей плеер и мои любимые песни на ноутах или в телефонах, с радостью бы хотела встретить такого человека.

Теперь телефоны работают только как средство сохранения памяти. Фотографии, музыка, видео... Передать теперь их никому уже невозможно. Да и заряжать от аккумулятора довольно дорогое удовольствие.

Наверное, странно в такое время думать о музыке, но честно говоря, если постоянно думать о том, как выжить и что будет завтра, то можно сойти с ума.

Защитный рефлекс

Теперь я понимаю людей, которые смеялись над шутками по поводу вируса в самом начале эпидемии – это некий защитный рефлекс, лучше забыться в шутке, чем всерьез осознать, что это проблема и она нерешаема.

А возможно они как раз и поняли, что ничего уже не изменить и, чтобы раньше времени не вскрыться от неизбежности происходящего, успокаивали себя шутками, пытаюсь убедить самих себя, что этот вирус сам по себе большая шутка, которая вот-вот пройдет и жизнь снова примет привычное русло.

Но как бы много и часто люди не называли вирус незначительной угрозой – ею он от этого не стал. А ведь многие даже уверяли что весь этот вирус – способ государств отвлечь население от каких-то политических или экономических махинаций. И что в итоге? Где теперь эти государства?

Правительство пало, и люди остались сами по себе. Мне кажется сейчас даже самые радикальные оппозиционеры считают, что лучше бы это все оказалось правдой и государство реально занималось коррупцией, отвлекая людей каким-то «вирусом».

Но нет, вирус настоящий, живой, способный уничтожить человечество и уже уничтоживший большую его часть. Мир в огне, правительства всех стран канули в лету, а последние

люди вгрызаются в глотки друг друга, надеясь выжить. Убивают себе подобных за лекарства, еду и даже спички.

Макароны оказались отвратительными, однако сытными, в последнее время приходилось экономить, и я уже чувствую, как слабею от голода, как ноги порой не держат тело, а в руках не хватает силы, чтобы поднять собственный полупустой рюкзак.

Какого черта я проспала?! Упустила самое важное время, когда можно было незаметно проскочить! Мне нужно попасть на центральные улицы. Там сколько бы мародеры не чистили, всегда есть чем поживиться! Я умею находить то, что хорошо скрыто. Я всегда нахожу! А когда я найду, мне нужно будет передать информацию и за нужными вещами придут другие. Я – всего лишь пионер. Горе-разведчик.

Теперь нужно ждать, когда стемнеет. Потеряла целый день из-за того, что вырубилась! Ненавижу себя за это!

Скоро нужно снова выходить в этот опасный мир и передвигаться по улицам города под покровом ночи, словно вор, пришедшей украсть кусок хлеба.

Хотя на самом деле так оно и есть, каждый из выживших теперь передвигается словно мышь, боясь встретить какого-нибудь психа с пушкой наперевес.

Проверила рюкзак перед выходом – вода, бинты и немного лекарств от боли. Самое ценное сейчас, чего не хватает всем! Не дай бог заболит голова или зубы, мы так привыкли к таблеткам и анальгетикам, что просто не знаем, как жить

без них!

Обессоливающее – это ценный ресурс, которого всегда не хватает. А я нашла в этой квартире сразу три пачки просроченных лекарств!

Пожалуй, это находку я прикарманю, хотя понимаю, это крысятничество. Но я к поселению пока не имею отношения и я им ничего не должна. Я считаю, что и так жертвую ради них своей жизнью сейчас!

А вообще, нужно срочно искать новое убежище с припасами, если я не найду его сегодня ночью, то придется еще как минимум один раз делать вылазку.

Многие говорят, что вирус все еще летает в воздухе и его можно заново подхватить. Больше конечно похоже на бред, но людям надо постоянно чего-то бояться. И я их не осуждаю. Этот вирус унес множество жизней. И выломал судьбы тех, кто сейчас живет.

Итак, мне нужно найти еду и лекарства. Это самое важное задание от куратора. И больше общину интересует даже не еда, а именно любые таблетки, все, что удастся найти.

Без еды человек может прожить неделю, а вот без обезболивающего люди даже сходят с ума. Хорошо, что вирус отпустил нас. Если бы не Иришка, то новых вспышек бы не было вовсе. Это она заражала людей, когда мы не знали, что над ней ставили опыты в больнице.

Многих людей я помню и скорблю, но есть и те, кто реально заслужил такую смерть! Я видела, как люди заражались на

моих глазах, и как они умирали! Мой насильник заразился и умер. Он был крепким мужчиной, но перед лицом вируса мы все, словно слепые котятa.

Я видела, как это происходит, страшное зрелище – человек погибает в муках, на последних стадиях заболевания боль настолько сильная, что люди просят убить их, лишь бы больше не чувствовать ее.

Я всей силой наваливаюсь на шкаф, которым я подперла дверь – лишняя безопасность никогда не помешает. Он отодвигается, и теперь можно выйти наружу.

Когда я выползаю на улицу, меня оглушает тишина. мерзкая погодка, во всю моросит дождь, но мне это на руку, вряд ли много кто решит в такую погоду, да еще и ночью выбираться из своих убежищ. Да и мои следы быстро исчезнут. Бродячие собаки не смогут его взять, если они еще остались в городах.

Да и охотники не вычислят. Мне сейчас хвост из какого-нибудь психопата точно не нужен, сегодня я еще не собираюсь умирать! У меня есть стратегическая цель и я должна выполнить миссию.

Ночной город. Темный, как никогда раньше. Мертвый и жуткий... В окнах уже не горит свет, однако если оглядеться, то можно увидеть, что в нескольких кварталах отсюда горит целый дом. Мародеры зачастую поджигают целые дома, просто веселья ради, они не думают о том, что вследствие этого могут умереть люди или же наоборот, именно этого

они и добиваются. Эти подонки-падальщики любят все разрушать и убивать других людей, в наше время во многих людях проснулась животная составляющая.

Многие говорили, что государства и религиозные институты уже не нужны человеку, так как люди уже сами способны расценивать свои действия и понимает, что убивать – плохо. Однако, они были не правы.

Как только людей лишили кнута, они сорвались с цепи, начали вгрызаться друг в друга, убивать самыми изощренными способами. Иногда мне не совсем понятно, чем эти мародеры и охотники отличаются от организованной банды мутантов? Разве что только людей не едят? Хотя я видела и такое на своем пути...

Когда мы с сестренкой шли из Москвы в Ростов-на-Дону, нам приходилось сталкиваться со многим. Я видела разные трупы – и с проломленной кирпичом головой и разрубленные пополам, многим нравится убивать себе подобных, так они чувствуют себя доминантами среди других, среди более слабых особей.

Долгое время я не могла понять и принять это. Мой мозг отказывался верить в какое время мы живем. И даже сейчас я до сих пор не перестаю удивляться. Люди – те же самые животные, а во многом даже более жестокие, и как только все рычаги давления перестали работать на них, то у них тут же вылезла вся душевная грязь наружу.

Ненавижу всех этих ублюдков! Поделом их, что военные

отстреливают их при удобном случае! И хорошо, что их жрут мутанты! Скорее бы они все перебили друг друга! Но такое бывает только в моих “добрых фантазиях”.

Скорее они все перебьют сперва таких, как мы. Кто хочет мирной жизни и не готов постоянно воевать и убивать. страшно представить, что будет дальше с нашим миром?

Вспоминаю, как жила в поселке мародеров. Эти твари насильовали меня и избивали так, что я не могла ходить. своих женщин они тоже кошмарили не по-детски. Если бы не вспышка эпидемии, которую мы принесли им в “подарок” вместе с Иришкой, то вряд ли мы ушли бы оттуда живыми. Жаль, что их женщины тоже погибли, но с учетом их рабского положения, смерть – это лучшее решение. Хотя могу поспорить, эти женщины бы не согласились со мной.

Я знаю, чем может обернуться встреча с мародерами или охотниками и мне нужно быть крайне осторожной. Мне необходимо красться как мышь, чтобы какой-нибудь псих не заметил.

Не хотелось бы стать той самой слабой особью, на моем фоне которой какой-нибудь грязный ублюдок захочет всю проявить свою мужественность и доминантность.

Мне необходимо найти тайники, провиант и лекарства, и вернуться на исходную точку, где я пережду до ночи и буду выдвигаться обратно в лагерь.

Мне нужно быть крайне собранной, так как я не собираюсь умирать этой ночью, а хочу встретить рассвет вместе с

Иришкой. Что будет дальше – я уже давно не загадываю, ночью я думаю, как дожить до рассвета, а утром – до заката.

Думаю, что никто сейчас уже не строит каких-либо глобальных планов, глупо их строить, когда будущего нет и быть не может. Те остатки людей, что выжили, понимают, что и им осталось жить недолго, пройдет пару недель, а может месяцев и мы все вымрем, а те, кто этого не понимают, и надеются, что человечество сможет выжить и они будут стоять у истоков этого возрождения – просто глупцы.

Мародеры

Сумерки окончательно сменились темнотой, в которой сложно было разглядеть даже силуэты, ночь была беззвездной и темной, что было мне на руку. Любой другой человек запинался бы об каждый мусор и постоянно заходил в тупики в такой темноте, но не я – я изучила эти улицы наизусть, прежде чем соваться сюда.

Мне пришла отличная идея поискать китайские магазинчики. У них всегда есть потайные комнаты, где они прятали левый товар и нелегальных эмигрантов. Многие мародеры даже не догадываются об этих помещениях. А в них можно найти много чего интересного.

Неподалеку от центра находился как раз такой небольшой магазинчик, находящийся в цокольном этаже высотки, на нем не было никаких вывесок. Наверняка об этом магазине знали только местные, поэтому скорее всего припасы в нем еще остались, нужно было просто попасть внутрь и найти потайное помещение. Да и в любом случае идти до него было не так уж и далеко, поэтому попытаться стоило – даже если там ничего не будет, то много времени не потеряю.

На улице было так же темно, как и тихо. На удивление тихая ночь сегодня... Никто вдалеке не жжет дома, никто не кричит, не слышны выстрелы...

Казалось, что и звезды на небе и люди – в один миг вы-

мерли. Но где же тогда моя звезда? Есть теория, что у каждого живого человека есть своя звезда, которая его ведет... Или я тоже уже мертва?

Увлелась.... Не время для таких мыслей! Это просто тихая и темная ночь, ничего больше, опасности все так же подстерегают на каждом шагу и нужно всегда быть настороже, кто знает, что таит в себе эта тишина и тьма?

Я подошла ко входу в магазин, точнее к спуску в него. Эта улица была похожа на одну из улиц моего родного города, словно родная!

Мне оставалось только представлять, как раньше на ней всегда, даже поздней ночью были люди. А сейчас здесь пусто, никого нет, не единой душе, кроме нескольких разбитых машин и кучи мусора, валяющейся прямо на дороге.

Я начала медленно спускаться по лестнице вниз, мне повезло и кажется в магазине никого не было. Я заперла за собой дверь, чтобы света не было видно с улицы и только успела включить фонарик, как почувствовала удар чем-то тяжелым по голове. В глазах тут же потемнело, а ноги ослабли, и я рухнула на пол, потеряв сознание.

Не знаю сколько я пролежала без сознания, но когда я снова открыла глаза, то все еще лежала на полу. Руки были связаны за спиной какой-то тряпкой, которую утянули до такой степени, что она очень больно врезалась в запястья.

Перед глазами я видела чьи-то ноги в сапогах, они были практически вплотную к моему лицу. Я попыталась встать

на ноги, но как только я успела немного приподняться, то получила пинок в живот откуда-то слева. Я на несколько секунд от боли закрыла глаза и попыталась закричать, но поняла, что во рту у меня тоже была какая-то грязная, воняющая тряпка.

Не хотелось думать, что она пахла еще и мочой. Она давала непередаваемый смрадный привкус во рту, отчего скручивало желудок и дико тошнило.

Пнул меня точно не тот, чьи ноги я видела, значит их двое. Однако это были пустые надежды, когда я открыла глаза, то была уже на спине и увидела стоящих надо мной трех мужчин, одетых наполовину в военную, наполовину в повседневную одежду. Мародеры – сразу поняла я.

Один из них плюнул мне на лицо и растер слюну своим грязным ботинком, я попыталась дернуться, однако получила еще один, более сильный пинок по животу. От боли я немного скрючилась колесом.

– Слушай, Макс, а неплохая у нее фигурка. У меня, знаешь ли, с самого начала всей этой фигни с вирусом не было секса. Может быть ее это самое... Того? – замаявшись произнес один из них, самый маленький и щуплый.

– Что того? Трахнем? А что же ты еще собрался делать с бабой? – двое других засмеялись злобным громким смехом. – Сегодня нас ждет веселая ночь, в наше время тяжело отыскать девку для развлечений, так что друзья, такое бывает один раз на миллион и не надо упускать из рук это счастье!

Они обсуждали, что будут делать со мной и с каждой секундой мне становилось все страшнее, я ничего не могла сделать, а лишь лежать здесь, в грязи, готовиться к тому, что сейчас будет... И лишь молиться, чтобы они меня не убили, хотя надежд выжить уже практически не осталось.

– У тебя у самой то давно секс был? – обратился ко мне главный из них, которого звали Максим, это я поняла из их разговоров.

А тот щуплый – был кем-то вроде шестерки. По сравнению с Максимом он выглядел полным ничтожеством. Заискивающим. Странно, как он к ним затесался? Таких обычно сразу же убивают...

И этот Макс был явным доминантным, третий же был чем-то средним, чем-то между шестеркой и тем самцом, который пытается казаться крутым.

– Ах да, я и забыл, что у тебя тряпка во рту. Ладно, если тебе так сложно, то можешь не отвечать.

– Да ты посмотри на нее, с такой фигурой она и прожила, наверное, только из-за того, что трахалась за еду да за лекарства, – сказал средний.

– Ну, сейчас мы и узнаем. Вы двое, приготовьте ее для меня, но первыми не лезть, не хочу после вас свой член марать. – Приказал старший.

После этих слов двое мужчин взяли меня, один за волосы другой за связанные руки. От боли и отчаяния захотелось закричать, но я вынуждена была лишь зажимать зубами тряп-

ку.

Они подвели меня к какому-то столу и заломили так, что тело оказалось на столе, а ноги на полу, один из них уже растягивал ремень на моих джинсах. Я снова попыталась оказать сопротивление, однако второй в этот же момент схватил меня за волосы, и сильно ударил лицом об стол. Почувствовав вкус крови, я на мгновение потерялась во времени и пространстве. Кажется он разбил мне нос или губу. Тогда я поняла, что лучше не сопротивляться, а просто принимать свою судьбу. Все-равно они сделают то, что запланировали. С чувством досады и унижением я чувствовала, как с меня стягивают джинсы.

Наверное, ему надоело долго возиться с джинсами, поэтому, когда он с ними закончил, то одним движением разрезал ножом мои трусы, я почувствовала, что вся часть моего тела ниже пояса полностью голая и мне стало по-настоящему страшно. Я словно только в этот момент поняла, что они планируют со мной делать.

Я почувствовала, как главный подошел ко мне сзади и около двух минут рассматривал мое тело, а затем сильно шлепнув прямо по промежности, произнес:

– Да, повезло, так повезло! Щелка у нее что надо, узенькая как у девственницы, но это мы сейчас исправим. – Он засмеялся и снова еще сильнее шлепнул меня по промежности, от этого я немного вздрогнула, но он тут же сильной рукой прижал меня обратно к столу.

Я услышала плевков, он размазал слюну по своему члену, затем еще один плевков... И вот он уже размазывает слюну по моему влагалищу. Спасибо, что хоть со смазкой, иначе я бы точно не выдержала боли!

Он резким движением вошел в меня и в этот момент все, что мне хотелось – закричать! Вопить от этой невыносимой боли! И я со всей силы вонзилась зубами в тряпку, кажется я даже слегка ее прогрызла.

Он двигался резко, рывками, каждый раз входя до самого конца, мне казалось, будто бы чувствую его огромный член стенкой своей матки, и от этого становилась еще больнее. Создавалось впечатление будто бы он хотел не получить удовольствие, а лишь сделать мне больно. Периодически он шлепал меня по спине и ягодицам.

Двое других просто стояли перед моим лицом, щуплый в один момент достал свой член и начал дрочить.

На растерзание ублюдкам

Мне казалось, что это продолжается вечно, однако, как только я смирилась и привыкла к рывкам насильника, он ускорился, и мне стало еще больнее. Он сделал несколько последних рывков и вынул свой член из меня. Затем с силой схватил за волосы и поставил на колени, после чего вытащил у меня из рта тряпку и рывкнул, чтобы я сосала.

Меня переполнял страх, я понимала, что если я сейчас попробую сопротивляться или откажусь, то я снова получу удар, а возможно этот бугай вообще убьет меня! Поэтому я взяла член в рот, однако, только я это сделала, он тут же схватив мою голову руками и начал грубо долбить меня в рот.

Я всеми своими последними силами сдерживала рвотный рефлекс, слезы текли и смешивались на лице вместе со слюной. Не знаю сколько это длилось, но несколько раз я чувствовала вкус рвоты, подступающей в горло, я с силой и отворачиванием проглатывала ее обратно, мне было тяжело дышать я очень часто я задыхалась и кашляла, но он даже не думал переставать и давать мне отдышаться.

Потом его движения стали еще более грубыми и резкими, так длилось пару минут, и когда я была уже на грани потери сознания, внезапно почувствовала, как его сперма наполнила мой рот. Он, не отпуская мою голову, приказал все про-

глотить. Я не могла послушаться его приказа и с отвращением проглотила его мерзкое семя.

Он отошел, и в этот момент я упала на пол и начала кашлять и жадно глотать воздух.

– Теперь ваша очередь, делайте с ней что хотите, только не убивайте, я потом сам это сделаю. – С этими словами главный ушел в другую комнату, оставив меня на растерзание другим двум ублюдкам.

В этот момент я испугалась еще сильнее. Нет, не потому что их было двое, а потому что эти двое были еще более ничтожными. Быть может они сами себе не признавались в этом, тем не менее тот, третий, над ними доминировал. В них ощущалась мелочность и злоба.

Таким ничтожным людям только дай на ком-нибудь отыграться – они будут использовать самые изощренные способы. Поэтому то я и боялась их больше чем первого.

Один из них подошел и, схватив меня за волосы, поволок по полу, как какой-то мешок. Таким образом он “доставил” меня до стены и кинул спиной к ней, после такого мои ноги были разодраны. Присев возле меня, он начал раздевать меня, сняв куртку и кофту. Затем разрезал футболку. Разрезая лифчик, он специально задел ножом меня, немного порезав кожу в районе грудины. После этого он откинул нож в сторону и сильно ударил ладонью по моей груди.

– Отличные сиськи... Ну что, Сидор, что будем делать с ней? – в этот момент он встал надо мной и оглядел.

– Давай для начала хорошенько вытрахаем, все-таки не зря же нам бог послал такое чудо! Секса у меня действительно давно не было, это мы удачно встретились! – пробормотал второй, демонстративно потирая руки. – Ну, а потом уже придумаем как еще можно развлечься.

– Хорошо, так уж и быть, уступаю тебе ее заднюю часть, ну а я займу ее рот, понесли ее обратно на стол, встанем сразу с двух сторон. В одном из фильмов видел.

Мне становилось с каждой минутой страшнее. Как они собираются развлекаться со мной потом? Да лучше бы уж просто убили, ироды, насколько же люди могут быть жестокими?! Мне было страшно даже представить, что меня ждет дальше, после того, как они изнасилуют меня.

Они подняли меня с полу и буквально кинули животом на стол. Один подошел сзади, а другой спереди, как они и договаривались, каждый занял по своей дырке.

Казалось бы, что терпеть это было проще – размеры были намного меньше чем у первого, а темп и характер движений намного мягче. Однако, им же все-таки нужно было почувствовать себя доминантными самцами, поэтому один из них постоянно шлепал по заднице, а другой бил по щекам, из-за чего становилось еще больнее терпеть этот унижительный процесс.

Продолжалось это недолго, и они оба кончили внутрь. Тот, что насиловал мой рот, также, как и их главный, заставил меня все проглотить. Я уже без раздумий выполняла все

их просьбы, мне казалось будто бы я уже стала животным, наддрессированной собачкой в руках этих уродов. Все, о чем бы они не просили, я выполняла без каких-либо вопросов.

Я понимала, что я уже не доживу до рассвета – они развлекаются со мной и прирежут как собаку, однако страх смерти был сильнее ее принятия. Хотя оставалась призрачная надежда, что у них проснется здравый рассудок и они захотят припасти меня на “будущее”. Судя по всему, следующий секс им нескоро светит!

Ублюдки насильовали меня и развлекались. Им нравилось смотреть, как мне противно и тошно от их действий. Их это заводило еще больше!

Когда они уже достаточно порезвились, одному из них пришла гениальная мысль, как меня еще больше унижить. Он приказал мне лизать его ботинки.

– Пожалуйста, не надо! – мои губы затряслись, но он подошел ко мне и ударил по лицу, ломая последнюю волю к сопротивлению.

Испугавшись, я встала на четвереньки. Согнув голову возле его ног, начала проводить языком по грязи на его сапогах. Пару раз при этом он пнул меня по лицу, затем он поднял ногу на пятку и заставил вылизывать и подошву.

Она была протекторная и в узоре резины грязь скопилась целыми кусками, он заставил вылизывать их дочиста, время от времени, растирая подошвой грязь по моему лицу. Не знаю, что может быть хуже и как я вообще смогла это вы-

держат? Несколько раз меня рвало, но этот безжалостный ублюдок даже носом не поворотил. Его забавляло то, с каким отвращением я это делала.

Когда я закончила с первым сапогом и приступила ко второму, к моему счастью, ему надоело это развлечение. Он откинул меня пинком от себя и плюнул в лицо. Затем он начал вслух размышлять, как бы им еще поиздеваться надо мной.

– Слушай, Сидор, найди бутылку, у меня кажется появилась новая идея, – сказал он, смотря на меня с безумной улыбкой и азартом в глазах.

– Зачем тебе бутылка сдалась? Решил в поцелуи с ней поиграть? – с этими словами он рассмеялся, ему почему-то эта дурацкая шутка показалась очень смешной.

– Найди и все, не твое дело, что я придумал. – рявкнул извращенец, – Сам в конце концов все увидишь, ты главное найди. – Он снова посмотрел на меня и тихо посмеялся. – Я тебе обещаю, будет весело.

– Ладно, ладно, сейчас поищу, чего ты взелся то сразу? – недовольно пробубнил Сидор, начав поиски бутылки в магазине.

Меня посещали самые ужасные мысли. Я представляла себе самые ужасные варианты, которые этот психопат мог придумать с бутылкой, какие еще издевательства могли родиться в его больной голове. Мне становилось не по себе от собственных мыслей. Все, что я бы хотела сделать с бутылкой – так это разбить ее этому психопату об голову, а затем с

помощью получившийся «розочки» выпотрошить его кишки. Такие мрази не должны жить среди людей!

Такие, как они, не заслуживают жизни ни при каких обстоятельствах, их надо отстреливать как бездомных, оголодавших собак, нападающих на людей. Истреблять как крыс. Уничтожать как очаг инфекции!

Ниже падать некуда

Всю ночь они трахали меня бутылкой в задний проход. Я думала, что не выживу и сдохну от боли! Умолять их было бесполезно. Оставалось только молиться, чтобы я отключилась на время и не чувствовала всего того, что они вытворяют с моим телом.

Под утро они изрядно напились и устали. Затолкав в меня бутылку и связав мне руки за спиной, они положили меня животом на стол и привязали ноги к ножкам стола. Оставив меня стоять в такой позе с торчащей бутылкой из задницы, они удалились.

Меня постоянно рвало, желудок выворачивало снова и снова, хотя он был абсолютно пустой. Осознание того, что меня накачали грязью и спермой не давал моему сознанию покоя, поэтому я никак не могла успокоить эти спазмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.